

Джеймс Кер

Писатели, пишущие по ночам¹

James Ker

Nocturnal Writers at Work

Джеймс Кер (Пенсильванский университет, доцент кафедры антиковедения; PhD)

James Ker (PhD; Associate Professor of Classical Studies, University of Pennsylvania)

Ключевые слова: Авл Геллий, Сенека, Плиний Старший, римская литература

Key words: Aulus Gellius, Seneca, Pliny the Elder, Roman literature

УДК: 82.091+7.01

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_29

UDC: 82.091+7.01

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_29

В римской культуре ночной писательский труд («лукубрации») понимался как особенно интенсивная форма общения между автором и его читателями. В пятом разделе фундаментальной статьи Джеймса Кера о ночном сочинительстве в эпоху Империи разбираются программные высказывания Плиния Старшего, Сенеки и Авла Геллия, каждый из которых по-своему выстраивает интеллектуальное сообщество вокруг своего текста. В проекции на будущее в это сообщество включаются родные автора (Геллий), все будущие поколения (Сенека) и император как адресат посвящения (Плиний).

In Roman culture, nocturnal writing (*lucubratio*) was seen as a particularly intensive form of communication between the author and his readers. In the fifth section of his seminal article on nighttime literary composition in the imperial period, James Ker discusses the programmatic statements of Pliny the Elder, Seneca, and Aulus Gellius, each of whom constructs a distinctive intellectual community around their texts. Projected into the future, this community includes the author's relatives (Gellius), all future generations (Seneca), and the emperor as the addressee of the dedication (Pliny).

<...> *Lucubratio* (ночное бдение) представляет собой первичную сцену хозяйствования в архаическом Риме, соединяющую в фигуре ночного труженика различные аспекты идеализированного «я» римского гражданина: бережливость, *libertas*, религиозную власть, сотрудничество с природой, государственную службу, основание Республики, изменение или утверждение статуса, властную позицию говорящего. Культурное значение этой сцены определяется более отчетливо через противопоставление альтернативным видам ночной деятельности, примерами которой служат *fur nocturnus* (ночной вор) и «антиподное» сообщество *lucifugae* (бегущих света дня).

Однако каким образом в римской культуре, — в которой «лампа» (*lucerna*) могла служить метонимией «поэзии»², — эти аспекты *lucubratio* оказываются важны для восприятия литературного текста? Ведь Хрезим, согласно рассказу Плиния (NH 18.41—18.43), чтобы доказать согражданам свою честность и трудолюбие, вызывая в воображении слушателей сцену своих *lucubrationes*, по

1 Настоящая публикация представляет собой перевод пятого раздела статьи: Ker J. Nocturnal Writers in Imperial Rome: The Culture of Lucubratio // *Classical Philology*. 2004. Vol. 99. № 3. P. 209—242 (пятый раздел см.: P. 227—239). Переводы латинских и древнегреческих цитат принадлежат Борису Маслову.

2 См., например: *Venusina lucerna* 'венузийская лампада' (Juv. 1.51, с отсылкой к Го-рацию).

крайней мере, присутствовал *лично*, а когда сочинитель представляет образ самого себя, пишущего ночью, перед глазами читателя, посредником в этом взаимодействии выступает только текст. Наша задача состоит в том, чтобы выявить, как время создания произведения становится значимым и действенным во время чтения, с которым оно не совпадает. Ответ, содержащийся в предисловиях, которые мы рассмотрим, в какой-то степени напоминает тот, который был дан выше для *recitatio* (римской формы полупубличных чтений). Однако автор, пишущий по ночам, устанавливает условия — времени и пространства, оценки и взаимности в отношениях с аудиторией — способами, учитывающими разрыв между временем создания и временем чтения произведения и заметно различающимися у авторов с разными сценариями. И все же разыгранная таким образом сцена задает ту программу, которой следует восприятие каждого конкретного текста.

Ранние упоминания сцены ночного сочинительства позволяют нам получить некоторое представление о том, как она определяет восприятие текста. Эпиграмма Каллимаха, которая, вероятно, сопровождала списки «Явлений» Арата, завершается восхвалением этого произведения как «знака Аратовых бдений» (Ἀρήτου οὐμβολὸν ἀγρυπνίας, *Epigr.* 27.4 Pfeiffer = 56.4 Page)³. Гоу и Пейдж замечают, что бессонные ночи Арат проводил главным образом «перелагая Евдокса стихами», но что, возможно, Каллимах также намекает на «созерцание звезд» [Gow, Page 1965: 208–209]. Таким образом, ночная сцена имеет важное значение для астрологического содержания поэмы, к которой Каллимах прилагает свою эпиграмму в качестве дополнительного предисловия. Схожим образом, описывая самого себя как «работающего ясными ночами» (*noctes vigilare serenas*, 1.142), Лукреций обыгрывает дидактическую задачу «прояснения» (*illustrare*) темных учений для его друга Меммия и, шире, борьбу со снами невежд⁴.

Самая ранняя отсылка к писательскому *lucubratio* в предисловии к латинскому прозаическому сочинению содержится, как отмечает Джонсон, в письме Бруту, которое Цицерон предпослал написанным весной 46 года до н.э. «Парадоксам стоиков»: «Так прими же сей малый труд, плод ночей, становящихся все короче, ибо дар, рожденный более длительными бдениями [«Брут» Цицерона], был посвящен тебе» (*Cic. Paradoxa Stoicorum*, praef. 5); ср. также: [Janson 1964: 97–98]. Извиняясь за незначительность посвящаемого сочинения, Цицерон в то же время напоминает Бруту о более объемном труде, который он уже посвятил ему. Характеризуя оба текста как плод «ночных бдений» — в той мере ночных, в какой позволяло время года, — он тем самым что-то прибавляет к их ценности как подарков (*munera*), ведь она состоит именно в максимально длительном ночном труде. В экономике дружеских даров Цицероновы ночи обладают своей собственной ценностью.

Пример того, как *lucubratio* используется для создания социальных обязательств, можно увидеть в письме Цицерона Варрону, написанном почти в то

3 Я благодарен Билли Аллану за упоминание этого стихотворения (см.: [Janson 1964: 97]). См. также параллельный пример, приведенный Гоу и Пейджем [Gow, Page 1965: 209], а именно: τρόλαιον εἰς οὐμβολὸν ἀγρυπνίας (Anth. Pal. 9.689 (anon.)).

4 Поэтика ночи была исследована Афиной Кирк в ее ценной дипломной работе «Лукреций о сновидениях, сне и пробуждении» («Lucretius on Dreams, Sleep, and Waking», Harvard University, 2003).

же самое время, в апреле 46 года; ночное сочинительство упоминается в нем для того, чтобы объяснить, почему к настоящему письму прилагается еще одно, уже устаревшее:

Когда ко мне поздно вечером пришел твой и в то же время мой Каниний и сказал, что отправится к тебе на другой день утром, я сказал, что дам ему кое-что; я попросил взять утром. Ночью я написал письмо (*conscripsi epistulam noctu*), но он не возвращался ко мне; я решил, что он забыл (Fam. 9.2.1 = 177.1 SB).

Ночное сочинительство в данном случае оказывается приемом, позволяющим воспользоваться оказией, выкроив ночью то время, которое необходимо для написания и (предположительно) скорейшей доставки письма. (Стоит отметить, что слово *conscripsi* (написал), которое использует Цицерон, указывает на создание окончательного текста письма, поскольку *lucubratio* очень часто ассоциируется с завершением или доведением до ума дела или сочинения, что описывается такими терминами, как *elucubrare*⁵). Внимания заслуживает последовавший затем поступок Цицерона. Через несколько строк после упоминания этих, казалось бы напрасно потраченных, усилий он объясняет, каким образом он в конце концов все же отправил письмо Варрону:

И вот тебе — внезапно, спустя несколько дней, когда я менее всего ожидал, Каниний пришел ко мне утром и сказал, что тотчас же отправляется к тебе. Хотя то письмо и потеряло свежесть, особенно после получения столь важных новостей, тем не менее я не хотел, чтобы мой ночной труд пропал, и отдал Канинию то самое письмо (см.: 9.2.1 = 177.2 SB).

Отправляя старое письмо, невзирая на то что оно утратило актуальность, Цицерон апеллирует к его особому статусу — результат ночного писательского труда (ср.: *lucubrationem meam*) — как к инвестиции во время, которая не должна «пропасть впустую» (*perire*). Для возмещения стоимости *lucubratio* достаточно того, чтобы письмо добралось до адресата, каким бы устаревшим оно ни было. Действительно, если мы вновь обратимся к самому этому написанному ночью письму, мы обнаружим, что оно малосодержательно:

Хотя мне и не о чем было писать тебе, не мог же я не дать чего-нибудь Канинию, когда он к тебе отправлялся. Ну так что же мне написать? То, что ты, думаю, хочешь, — что я к тебе скоро приеду (Fam. 9.3 = 176 SB).

Таким образом, это ночное письмо ценно в первую очередь как форма общения, а не благодаря какой-то новости, которую оно сообщает. Его ценность, превышающая ту обычную ценность, которую можно произвести при помощи дневного света, заключается в первую очередь в способности конвертировать ночное время в межчеловеческие контакты и обязательства. Более того, жест Цицерона изящно соотносится с самопредставлением Варрона как человека, который трудится по ночам⁶.

-
- 5 Ср., например: Tac. *Dial.* 9: *librum... elucubravit*. В связи с *lucubratio* мы находим такие глаголы, как *terminare* (August. *Ep.* 153.4), *conficere* (Columella *Rust.* 11.2.12, 91) и *consequi* (Columella *Rust.* 11.2.90). И наоборот, термин *illucubratus* означает 'недоделанный'.
- 6 См.: *Ling.* 5.1: «Я занимался по ночам (*lucubravi*) не только у лампы (*ad lucernam*) Аристофана [Византийского], но и у лампы Клеанфа» (цит. по: [Juvenal 1996: 88] в связи с *Juv.* 1.51).

Обращаясь к предисловиям Сенеки, Плиния и Геллия, нам будет полезно сосредоточиться на том, каким образом сцена ночного сочинительства служит драматизации одновременно основной темы произведения, как это происходит с «ясными ночами» у Лукреция, и социальных отношений со своими читателями, как в трактатах Цицерона и в его письме, написанном ночью.

Хотя «Аттические ночи» Авла Геллия являются, пожалуй, кульминационным моментом в развитии сцены ночного сочинительства, все три автора делают образ писателя, работающего ночью, неотделимой частью своих произведений.

Дверь в будущее (Сенека)

Восьмое письмо Сенеки, не являясь, строго говоря, предисловием, входит в состав первой книги «Нравственных писем» и посвящено основным условиям, в которых осуществляется его писательская работа; как мы увидим, это письмо вводит читателя в пространство, в котором разыгрывается весь текст. Письмо начинается с упоминания письма Луцилия, в котором тот усомнился в совете Сенеки держаться подальше от толпы. В ответ на это письмо Сенека объясняет, что именно в одиночестве, при одном только свидетеле — собственной совести (*conscientia*, Ep. 8.1), можно помочь наибольшему количеству людей:

Для того я хоронюсь и запираю двери, чтобы бóльшим принести пользу. Ни один мой день не проходит в праздности, и часть ночей я объявляю своей собственностью для занятий. Спать мне недосуг, сну я уступаю по нужде, удерживая утомленные бодрствованием, спящие глаза на работе. Не только от людей я удалился, но и от обстоятельств, прежде всего — моих собственных: я делаю дело потомков.

В том, как Сенека изображает эту ночную сцену, мы видим несколько элементов, о которых упоминает Квинтилиан, когда пишет о *lucubratio* оратора: полное одиночество за закрытыми дверями, борьба со сном, взгляд, прикованный к текущей работе. Главное отличие от сцены, которую описывает Квинтилиан, состоит в том, что Сенека не готовит речь для публичного выступления, а пишет для публики, которая прочтет его письма когда-нибудь в будущем⁷. Он объясняет далее:

Подобно тому как составляют сочетания полезных снадобий (*velut medicamentorum utilium compositiones*), я записываю целительные наставления (*salutares admonitiones*). <...> Тот верный путь, который сам я познал поздно и уже устав от блужданий (*sero cognovi et lassus errando*), я указываю другим. <...> Кричу: «Бегите всего, что любо толпе, того, что принес случай» (Ep. 8.2–8.3).

Язык письма представляет Сенеку в роли врачевателя, которую иногда включали в число вечерних обязанностей римского *paterfamilias* (главы семейства)⁸.

7 Вслед за Расселом [Russell 1974: 71], я полагаю, что Сенека имеет здесь в виду сочинение самих «Нравственных писем».

8 Ср.: «Когда наступают сумерки... и он заходит в дом... если, как часто случается, кто-то пострадал и был ранен во время работ, пусть он наложит повязку, а если кто-то ослаб по другой причине, пусть он немедленно ответит его в помещение для больных (*in valetudinarium... deducat*) и велит, чтобы его лечили другим, подобающим случаем образом» (Columella Rust. 11.1.18). Об отношении Сенеки как главы семьи к потомкам

Акт *compositio* (сочетания) предполагает еще и своего рода сжатие времени: как объясняет Сенека, он стремится предоставить читателям быстрый доступ к тому, что сам он смог открыть лишь по прошествии долгого времени (ср.: *sero et lassus errando*). Далее он утверждает, что этот вид деятельности намного превосходит все те услуги, которые он мог бы оказывать людям в публичном пространстве по каждодневным оказиям, — он приносит больше пользы, чем если бы употреблял свой голос или руку для поддержки кандидата в сенат (Ер. 8.6). Таким образом, сцена ночного труда замещает собой другие виды услуг (*beneficia*) или обязанностей (*officia*) — все то, что Сенека мог бы дать конкретным людям. В действительности это и есть важнейшая цель «нравственных писем» Сенеки (выражение *epistulae morales*, возможно, восходит к нему самому⁹): отвлечь их адресата Луцилия и, более широко, всех остальных читателей от публичной, материалистической жизни (*homines; res*) и направить их к жизни философской, жизни нравственного самоисцеления, а еще точнее — в сторону «врачевальни» (*valetudinarium*) или «театра совести» (Ер. 27.1; 7.11; 8.1). Писательский ночной труд Сенеки продлевает время, которое он может посвятить своему основному делу (*negotium*) — сочинению писем.

Однако присутствие этой ночной сцены придает письмам Сенеки еще более специфическую драматическую функцию, как можно видеть по ключевому слову *vindico* (присваиваю) в утверждении «часть ночей я объявляю своей собственностью для занятий» (*partem noctium studiis vindico*, Ер. 8.1)¹⁰.

Этот контекст побуждает читателей пережить «присваивающее» действие Сенеки исключительно ярко, воображая усилия автора, с трудом удерживающего слипающиеся глаза на строках того сочинения, которое сейчас находится перед их собственными глазами. В этот момент между автором и аудиторией устанавливается некое подобие зрительного контакта, и это происходит в порядке заявления своих прав (*vindicatio*) на ночь и сон. Во втором примере с *vindicatio*, в письме XXI, Сенека объясняет, что, в то время как его публичная деятельность никогда не сделает Луцилия знаменитым среди будущих поколений, присутствие в письмах Сенеки принесет ему долгую славу:

Нас накроет глубокая пучина времени, лишь немногие гении выставят головы и — хотя им также рано или поздно суждено будет сгинуть в ту же немоту — будут противиться забвению и на долгое время сохраняют право собственности на себя (*se diu vindicabunt*) (Ер. 21.4).

Сенека объясняет это будущее *vindicatio*, которое осуществит его текст (буквально его *ingenium*), отсылая к своей власти сделать будущих читателей обязанными себе: «Потомки будут мне благодарны» (*habebo apud posteros gratiam*, 21.5). Упомянув «благодарность потомков», Сенека фиксирует следствие ночного *vindicatio*, осуществленного им самим в письме VIII и увеличившего, как мы видели, время, которое он может посвятить «делу потомков» (*posterorum negotium*, Ер. 8.1). Тем самым можно считать, что, разыгрывая сцену ночного сочинительства, Сенека драматизирует ту услугу, за которую читатели

(poster) см.: «Но сыграем и мы роль доброго отца семейства: увеличим полученное, и пусть это наследство преумноженным перейдет от меня к потомкам» (Ер. 64.7).

9 Авл Геллий впервые употребил это название по отношению к письмам Сенеки (NA 12.2.3). О том, что это выражение, вероятно, восходит к Сенеке, см.: [Cugusi 1983: 196].

10 Ср.: OLD, s.v. *vindicare* 1, 3.

обязаны будут его вознаградить, обеспечив выживание его текста «над глубокой пучиной времени». Поэтому *lucubratio* и здесь служит тому, чтобы драматизировать производительность хозяйства Сенеки или, по крайней мере, воспроизводство его интеллектуального наследия в будущем.

Таким образом, разыгрывая сцену ночного сочинительства, Сенека задает программу для своего текста и определяет то, как его будет воспринимать аудитория. Благодаря этому приему и текст, и его читатель получают оценку, состоящую в том, что одиночество и замкнутые условия *lucubratio* символизируют ценность морального предприятия, к которому текст приглашает читателя. Сцена ночного сочинительства драматизирует обоюдные отношения, в которых будущим читателям предоставляется *beneficium*, а те должны расплачиваться за него, продолжая беречь текст. Одно *vindicatio* выслужено другим. Замкнутое пространство *lucubratio* у Сенеки — это не только физический образ пространства морального «я», на котором должен сосредоточиться читатель; оно также призвано на службу тому высшему пространству, в котором над глубокой пучиной времени текст будет обретаться в будущем.

В более поздних письмах *lucubratio* Сенеки получает дополнительное значение, когда он нападает на «бегущих света дня» (*lucifugae*) за то, что те помешали местами день и ночь, и по сути, отторгает их от общества, в которое входят автор и его аудитория (письмо СХХII). Невыразимое место-антипод, в котором обитают *lucifugae*, бесконечно удалено от территории *lucubratio*, характеризующей одновременно и моральное пространство, которое надлежит возделывать Луцилию, и долговечное пространство, уготованное письмам.

Возвращение времени императорскому хозяйству (Плиний Старший)

В открывающем его сочинение письме императору Титу Плиний сообщает, что «у него дома» (*apud me*, HN praef. 1) недавно «родились... книги по естественной истории», и, посвящая ему свой труд, подчеркивает личное обращение (*nominatim tibi dicantium*, praef. 6). Признавая, что с его стороны было крайне самонадеянно посвящать сочинение адресату, которого оно столь мало достойно, он просит извинить ему «эти книжицы, итог незначительного труда» (*levioris operae... libellos*), а также отсутствие речей и интригующих происшествий (praef. 12). Содержание его труда, объясняет Плиний, несколько сухо: «Мой предмет бесплоден: речь идет о природе вещей, то есть о самой жизни» (*sterilis materia, rerum natura, hoc est vita, narratur*, praef. 12); иными словами, его не будут занимать *amoenitates*, «приятности», с которыми имеет дело большинство сочинителей (praef. 15). Вместо этого, рассказывая о «природе вещей, о жизни», он будет «освещать темноту» (*obscuris lucem... dare*, praef. 15). Что же касается названия «Естественная история», то, как настаивает Плиний, он ничуть не жалеет, что не выдумал ничего «более остроумного» (*me non paenitet nullum festiviorem excogitasse titulum*, praef. 26). Хотя ему и известны такие названия, как «*Lucubrationes*» неотерика Фурия Бибакула, Плиний относится к ним отрицательно, намекая на склонность последнего к ночным кутежам и пьянству (название книги Плиний связывает с его именем: «Я полагаю, что его автором был Бибакул (Выпивоха. — Пер.), которого так и прозвали» (*puto quia Bibaculus erat et vocabatur*, praef. 24)). Уже на этом основании мы можем

отчасти предугадать, как будет устроена ночная сцена у Плиния. Она представит контекст для метафоры рождения книги на свет благодаря труду матери (преимущественно ночному процессу), а также «освещения темноты». Аналогичный контекст представляет собой ночь у Арата, которая оказывается лучшим временем для написания его «Явлений», поскольку именно ночью можно созерцать звезды. Она обеспечит сценическую обстановку для сотрудничества с природой в духе ночных бдений (*lucubratio*) Квинтилиана (не выходящих за пределы, установленные природой (Quint. 10.3.27)), — с особым вниманием к работе *над* природой. С другой стороны, эта сцена будет отличаться от *locus amoenus* пасторали и *amoenitates* других жанров, как и от того скандального ночного времяпрепровождения, которое Плиний усматривает в «*Lucubratiopes*» Бибакула.

Упоминание Плиния о том, что он писал свой труд по ночам, мы находим сразу после того, как он, сообщив, что в его тридцати шести книгах собрано двадцать тысяч фактов, извиняется перед императором за неизбежные упущения:

Не сомневаюсь, что и я многое упустил. Я ведь всего лишь человек, притом занятый делами по службе и занимающийся этими штудиями только в оставшееся время, то есть по ночам, и пусть никто из ваших не думает, что эти часы отданы безделью. Дни я трачу на вас, а со сном рассчитываюсь по состоянию здоровья, довольствуясь той единственной наградой, что когда мы — по слову М. Варрона — *досужничаем* (*musinamur*), мы прибавляем часы к нашей жизни, ибо поистине жизнь — это бодрствование (*praef.* 18).

Плиний не делает таких описаний, как Квинтилиан или Сенека, и не упоминает о физических обстоятельствах сочинительства. Вместо этого он размещает сцену сочинительства во временной иерархии: он написал свое произведение в те часы, которые остались после исполнения важных дневных обязанностей (*officia*) и утоления минимальных потребностей в сне и поддержании здоровья. Плиний многое заимствует из языка экономики, говоря о «расходовании» времени на императорское хозяйство, «сведении счетов» со сном и «награде», которую он получает, «проживая» каждую ночь несколько дополнительных часов. В целом, говоря о своих книгах, он использует экономический язык, называя их «хранилищем, а не книгами» (*thesauros... non libros*, *praef.* 17), — что напоминает ту «сокровищницу» (*aerarium*), которую создает во время ночного труда оратор у Квинтилиана (*Inst.* 10.3.3). Знаменитое эпиграмматическое окончание этого фрагмента «жить — значит бодрствовать» (*vita vigilia est*), в соответствии с которым жизнь Плиния увеличивается на число часов, проведенных им ночью без сна, возвращает нас к его описанию «Естественной истории» как «сказываемой жизни» (*vita... narratur*, *praef.* 12): чем больше часов проведено без сна, тем больше об этой «жизни» можно сказать.

Очевидно, в ночном труде для Плиния наиболее важно то, что этот труд позволяет ему включить свое сочинительство в повседневный быт императорского хозяйства. Это происходит различными способами. В первую очередь ночной труд гарантирует, что сочинительство не будет отнимать у автора то время, которое он должен посвящать дневным обязанностям. Однако, помимо того, посвящая свою «Естественную историю» императору, Плиний дает понять, что хотел бы, чтобы в распоряжении Тита были не только его дни, но и

плоды его ночных трудов; «те самые слова, — говорит он, — которые я пишу для тебя, даруешь мне ты» (*hoc ipsum tu praestas quod ad te scribimus*, praef. 19). Важная оговорка заключается в том, что посвящение такого большого сочинения императору может оказаться посягательством на его время и, следовательно, угрозой общественному благу¹¹. По этой причине Плиний считает нужным предоставить в распоряжение императора указатель содержания:

Поскольку ради общего блага я должен был принять во внимание твою занятость (*quia occupationibus tuis publico bono parcendum erat*), я приложил к этому посланию указатель содержания ко всем книгам (*quid singulis contineretur libris huic epistulae subiunxi*) и чрезвычайно постарался, чтобы тебе не было необходимости читать их. Ты тем самым и другим предоставляешь возможность не читать все подряд (*tu per hoc et aliis praestabis ne perlegant*), а искать только то, что они желают, и узнать, в каком месте это можно найти (HN praef. 33).

Указатель содержания, составленный Плинием, просто более эксплицитный способ сжатия времени, нежели тот, который мы видели в ночных «сочетаниях» (*compositiones*) Сенеки: Плиний гарантирует, что конечным результатом его ночного писательства станет огромная экономия времени для его главного читателя, императора; и более того, что император сможет передать этот дар сбережения времени другим читателям, указав им путь собственным примером. Ночная сцена, таким образом, легко и органично вливается в распорядок императорского хозяйства и общественного блага, делая императора одновременно и получателем времени и его распорядителем. Если Сенека своим ночным трудом расширял и укреплял служение некой публике, выходящей далеко за пределы его хозяйства, то ночная сцена Плиния напрямую соотносится с благом римского общества.

Однако позднее в тексте Плиний, подобно Сенеке, наделяет свое *lucubratio* дополнительным значением, открыто дистанцируясь от группы, весьма схожей с *lucifugae*, — он делает это в упомянутом выше предисловии к восемнадцатой книге, непосредственно перед рассказом о Фурии Хрезиме. Там он объясняет, почему он не будет касаться темы ядов и людей, которые их используют:

Черный их язык шевелится, как у змей, растленность разума порочащих опалает все, к чему ни прикоснется, и, подобно птицам, несущим зло, они наводят ужас на мрак, хоть и соприродный им, и даже на самый покой ночей (*dirarum alitum modo tenebris quoque suis et ipsarum noctium quieti invidentium gemitu*)... (HN 18.1.4)

Вместо этого, говорит Плиний,

и мы продолжим облагораживать жизнь (*excolere vitam*) той высокой ценностью, которую мы придаем им (дарам природы. — Дж. К.), и той радостью, которую они нам приносят. <...> Речь-то, ясное дело, пойдет о деревне и сельских обычнотных (circa rura... agrestisque usus), но на них и жизнь стоит (*quibus vita constet*), и в прежние времена им был наибольший почет (HN 18.1.4—18.1.5).

11 Как отмечает Дженсон по поводу предисловия Плиния, «раньше всех читателей можно было считать более или менее равными» [Janson 1964: 100], но теперь Плиний должен держать в голове, что его идеальный читатель — император и, в частности, заботиться о том, чтобы не отнимать у него время.

Резкий контраст между ночными отравителями и «жизнью» (*vita*), как она дается природой и культивируется в сельском хозяйстве, помогает придать авторитетность и ночным сельскохозяйственным привычкам Хрезима, и сцене ночного сочинительства Плиния, показывающей его работу над всей «Естественной историей» — текстом, в котором «сказывается жизнь» (*vita narratur*).

Если в предисловии Плиний без обиняков вручает «Естественную историю» и указатель содержания императору как главному их читателю, в одном из писем Плиния Младшего ситуация получает интересный поворот (Ер. 3.5)¹². В письме, адресованном Бебию Макру, страстному поклоннику трудов Плиния Старшего, младший Плиний щедро делится семейными подробностями: «Я при- му на себя роль указателя и сообщу тебе даже то, в каком порядке они написаны» (*fungar indicis partibus, atque etiam quod sint ordine scripti notum tibi faciam*, 3.5.2); далее Плиний Младший перечисляет труды своего дяди, начиная с отдельной книги «О метании дротика с коня» и вплоть до двух последних сочинений: «От конца истории Авфидия Басса» в тридцати одной книге и «Естественной истории» в тридцати семи книгах (3.5.3—3.5.6). Плиний также берет на себя смелость описать привычки своего дяди, уделяя особое внимание его *parsimonia temporis* (бережливому отношению ко времени, 3.5.13):

Он обладал врожденным талантом энергичного человека, невероятным усердием и исключительной способностью бодрствовать (*summa vigilantia*). При свете лампы он начинал работать с Вулканалий (23 августа. — Дж.К.) — не из суеверия, но для того, чтобы заниматься (*lucubrare Vulcanalibus incipiebat non auspicandi causa sed studendi*): вставал он сразу посреди ночи (*statim a nocte multa*), зимой в семь (в полночь. — Пер.), самое позднее в восемь часов, а часто в шесть¹³. Заснуть он, надо сказать, мог в любую минуту; иногда сон и одолевал его и покидал посреди занятий. Еще до света он отправлялся к императору Веспасиану (ведь и тот пользовался ночными часами, *nam ille quoque noctibus utebatur*), а оттуда на исполнение порученной ему должности. Вернувшись домой, он оставшееся время отдавал занятиям (3.5.8—3.5.9).

Помимо того, что это описание иллюстрирует уже отмечавшиеся аспекты *lucubratio* (например, сезонную изменчивость), примечательно то, насколько близко Плиний Младший держится текста предисловия к «Естественной истории»: он не только берет на себя сообщить читателю необходимые сведения, чтобы помочь ему сориентироваться в произведениях Плиния Старшего (в данном случае сам выступая как *index*, «каталог-указатель»), но также, следуя за его предисловием, вызывает в воображении читателя сцену ночного сочинительства. Однако Плиний Младший приравнивает риторику предисловия к своим собственным целям: отдавая должное той гармонии, ко-

12 О связях между Ер. 3.5 и HN praef. («Плиний [Младший] следует примеру...») см.: [Henderson 2002: 274—277].

13 Об этом утверждении см.: «Плиний имеет в виду, что его дядя просыпался посреди ночи, подобно консулу или авгуру, не для наблюдения знамений, которое надлежало совершать после ночных бдений» [Sherwin-White 1966: 223]. Рецензент журнала [Classical Philology] делает будоражащее воображение наблюдение, что «праздник Вулканалий был первым днем, когда лампы следовало зажигать до рассвета и люди вставали затемно, чтобы зажечь лампу на удачу. Плиний, возможно, с легкой иронией лишь намекает на это народное суеверие». К сожалению, мне не удалось найти свидетельств, подтверждающих существование этой практики.

тору Плиний Старший установил между собственной работой и *negotia* (трудами) императорского хозяйства, в этом письме он стремится утвердить свое право наследника на произведения дяди и контроль над тем, как их читают. Их передача по горизонтали в императорское хозяйство отодвигается на задний план, тогда как на передний план выходит передача по вертикали в пределах частного хозяйства.

Сцена ночного сочинительства играет в этой транзакции не случайную роль. Плиний озабочен в первую очередь тем, чтобы подчеркнуть бережливость, позволившую его дяде удвоить свое время, например превращая один день в два, когда он пробуждался после дремоты и снова приступал к занятиям, «как если бы это был новый день» (*quasi alio die*, Ep. 3.5.11). Те же самые расчеты очевидным образом отразились на материальном воплощении некоторых текстов Плиния: «Он оставил мне 160 книг записок по избранным темам, написанных с обеих сторон листа и притом мельчайшим почерком; что означает, что их число в действительности еще больше» (*lectorumque commentarios centum sexaginta mihi reliquit, opisthographos quidem et minutissimis scriptos; qua ratione multiplicatur hic numerus*, 3.5.17). Записки (*commentarii*), сделанные с обеих сторон листа, являют собой материальный след ночной сцены сочинительства Плиния Старшего: то, что он использовал для своей работы как ночь, так и день, находит отклик в том, что он писал на обеих сторонах папируса¹⁴. А следующее далее воспоминание о том, как некий Ларций Лициний предложил купить записки за 400 тысяч сестерциев (3.5.17), в еще большей мере подчеркивает, что владение ими дает младшему Плинию новый статус. Сцена ночного сочинительства дяди становится осязаемой в материальном наследии, которое хранится у его племянника и наследника его хозяйства. Она также воспроизводится в *lucubratio antelucana* (предрасветных бдениях), ставших главным элементом самопрезентации Плиния Младшего в его письмах¹⁵.

Название и воображаемое сообщество (Авл Геллий)

Предисловие к «Аттическим ночам» Геллия давно признано переделкой предисловия Плиния к «Естественной истории». Как сравнительно недавно показала Алессандра Менарини, между двумя предисловиями существуют систематические сходства, и не в последнюю очередь они схожи тем, что в обоих ночной труд упоминается в связи с созданием произведений [Minarini 2000: 537–543]. Минарини также признает, что, несмотря на пренебрежительное в целом отношение Геллия к сочинениям Сенеки, последний, как и Плиний, оказал влияние на автора «Аттических ночей», однако ее наблюдения ограничиваются лишь некоторыми заимствованиями или переключками, такими как общее для обоих авторов стремление подавать знания в форме практи-

14 Я рад обнаружить, что в этом вопросе совпадаю с Хендерсоном: «Книги Плиния — образ его самого» [Henderson 2002: 272].

15 См., например: Plin. Ep. 9.36.1–2 (включая такие элементы, как закрытые ставни, безмолвие (*silentium*), мрак, глаза, следующие за умом, а не ум за глазами, отсылка секретаря и т.д.). См. также о Плинии Младшем: «Литература заставляет его бодрствовать по ночам...» [Hoffer 1999: 41].

ческих советов или *admonitiones* (ср.: NA praef. 16) [Ibid.: 543—546]. Однако у Сенеки, как мы видели, есть собственное предисловие, в котором он дает свои наставления в образе ночного сочинителя (*salutares admonitiones*, Ep. 8.2). Как я полагаю, трех этих авторов наиболее тесным образом связывает именно ночной контекст, которым объясняется и акцент Геллия на названии его сочинения — «Аттические ночи».

В предисловии Геллия, в том виде, в каком оно до нас дошло (самое начало утрачено), автор объясняет цель и название своего труда, который состоит из комментариев к греческим и латинским текстам, выбранным в произвольном порядке, и из того, что автор слышал сам и посчитал «достойным воспоминания» (*memoratu dignum*, NA praef. 2)¹⁶. В начале текста Геллий объясняет, что он хотел позаботиться о том, чтобы у его детей были «развлечения» (*remissiones*) всякий раз, «когда бы их ум, получив перерыв от дел, мог расслабиться и дать волю прихотям» (*quando animus eorum intermissione aliqua negotiorum data laxari indulgerique potuisset*, praef. 1). В то же самое время его цель состояла в употреблении высвободившихся часов на то, чтобы «сделать запасы» для себя: «Я сохранял их для себя, в помощь памяти, словно некую кладовую учености (*quasi quoddam litterarum penus*), так, чтобы... было легко найти и извлечь их оттуда» (praef. 2)¹⁷. Как мы видим уже по этому примеру, текст Геллия служит целям, намеченным Квинтилианом, который говорит, что оратор, упражняясь в письме, создает себе «сокровищницу» речи, из которой он сможет черпать в будущем. Единственное различие состоит в том, что Геллий не ограничивает пользу от своих сочинений своей собственной выгодой: они будут переданы ближайшему поколению, его детям, а также, как он скажет дальше, всем его читателям, для которых он надеется создать — эта терминология близка используемой Квинтилианом¹⁸ — «умы... более бодрые или память более надежную или речь более остроумную или язык более правильный или забаву на время досуга и игры, более достойную свободного человека» (*ingenia vegetiora aut memoria adminiculatio aut oratio sollertior aut sermo incorruptior aut delectatio in otio atque in ludo liberalior*, praef. 16). И подобно Сенеке, Геллий подчеркивает свою способность уместить объемный материал в сподручную форму:

Хотя каждый раз, когда мне удавалось выкрасть время для досуга (*otium*) в перерывах от трудов (*negotia*), я до утомления занимался развертыванием и просмотром весьма многочисленных свитков, взял я из них немного и лишь то, что... освободило бы людей, занятых другими жизненными обязанностями (*homines aliis iam vitae negotiis... vindicarent*), от воистину постыдного, мужицкого невежества о делах и словах (praef. 12).

Как и у Сенеки, ночной труд Геллия вовлекает читателя в акт *vindicatio* (NA praef. 4).

16 О предисловии и программных аспектах труда Геллия см.: [Faider 1927; Holford-Strevens 1988: 20—34; Minarini 2000].

17 Геллий далее подчеркивает, что работа над текстом занимает его свободное время (*subsiciva et subsecundaria tempora*) и никак не сказывается на управлении домохозяйством (NA praef. 23).

18 Quint. *Inst.* 10.3.2—3: «Подобно тому, как глубоко вспаханная почва благотворней для прорастающих и требующих питания семян (*alendis seminibus fecundior*), так и продвижение в учебе не по верхам дает более обильные плоды и удерживает их надежнее (*studiorum fructus et fundit uberius et fidelius continet*)».

Когда Геллий в первый раз принимается за объяснение того, почему весь его труд называется «Аттические ночи», он дает простой ответ, связанный с тем, как он впервые задумал это сочинение:

Но поскольку мы начали забавы ради составлять эти записки, как я сказал, долгими (*longinquis*) зимними ночами в деревне в Аттике, то и назвали их по этой самой причине «Аттические ночи», нисколько не подражая высокопарным заглавиям (*festivitates inscriptionum*), которые многие писавшие на обоих языках давали этого рода книгам (NA praef. 4).

Здесь *lucubratio* римского автора сливается с экзотической греческой обстановкой¹⁹, и двусмысленное слово *longinquis* может означать не только «долгие» зимние ночи, но и «далекие» ночи Аттики. Тем не менее Геллий утверждает, что название, которое он дал, не более чем описательно²⁰ и он «нисколько не подражал высокопарным названиям» (*festivitates inscriptionum*) других авторов; это удивительным образом перекликается с утверждением Плиния, что он вполне доволен тем, что не придумал более остроумного (*festivorem*) названия, чем «Естественная история» (HN praef. 26) [Ibid.: 539]. Так же, как и Плиний, Геллий вскоре переходит к перечислению тех названий, которых он избегает, как на латыни, так и на греческом: «“Лампады” (Λύχνους)... некоторые другие заглавия, чересчур изысканные, с весьма ощутимым привкусом вычурности» (*multas... concinnitates redolentia*, NA praef. 6–9); его презрение к «Лампадам» напрямую сопоставимо с презрением Плиния к названию «Ночные бдения», которое дал своему сочинению Бибакул. Существенно, однако, что список Геллия включает названия «Естественная история» и «Нравственные письма» (*historiae naturalis; epistularum moralium*, NA praef. 8–9) — названия произведений Сенеки и Плиния, которые Геллий, по-видимому, считает для себя чересчур высокопарными [Ibid.: 536]. Таким образом, Геллий прямо соотносит свое произведение с ночными трудами двух более ранних латинских прозаиков эпохи Империи и в то же время стремится подчеркнуть большую непритязательность своего названия.

Геллий, очевидно, что-то вложил в свое название, которое он считает менее высокопарным и *по этой причине* превосходящим другие. Он слишком щедр на уверения [protesteth too much]:

Мы же, в соответствии с нашими скромными способностями, — небрежно, по наитию и даже несколько грубовато (*incuriose et inmediate ac prope etiam subrustice*) — назвали наш труд «Аттические ночи» по месту и времени зимних бдений, настолько уступая всем прочим в достоинстве даже названия, насколько мы уступили в отделке и изяществе произведения (NA praef. 10).

Отрицая с таким красноречием и свое собственное красноречие, и значительность названия, Геллий еще раз привлекает внимание к тому, как в названии, которое он именуется «почти деревенским» в своей простоте, сочетается зна-

19 Ассоциации, которые вызывало слово «аттические», не являются предметом этой статьи, но, как замечает Болдуин использование этого слова могло подразумевать комплимент влиятельному другу Геллия Героду Аттику [Baldwin 1975: 9].

20 Как отмечает Холфорд-Стревенс, Геллий «делает вид, что находит его обыденным» [Holford-Strevens 1988: 20]; ср.: «с лишь показной скромностью» (*con una modestia solo apparente*) [Minarini 2000: 536].

чальное место создания (Аттика) и время (ночь). Тем не менее, как мы видели в предыдущих разделах, деревенское *lucubratio* имеет свою собственную идеологию, и комментарии Геллия, которые он обозначит выразительным словом *lucubratiunculae* (ночные бденьца, praef. 14)²¹, очевидно, во многом опираются на эту ассоциацию.

Чуть ниже Геллий защищает «ночную» идеологию своего текста с большей принципиальностью. Он настойчиво предупреждает тех, кто «не проводили ночи в такого рода бдениях (*nullas hoc genus vigiliis vigilarunt*)... но были поглощены отнимающими время заботами (*intemperiarum negotiorumque pleni sunt*)»: «пусть они идут прочь от этих “Ночей” и ищут себе другие развлечения» (*abeant a noctibus his procul atque alia sibi oblectamenta quaerant*, praef. 19). Эти слова Геллия — самый яркий пример того, что было менее прямо выражено в сочинениях Сенеки и Плиния: он отторгает альтернативную и «несвоевременную» группу из сообщества своих читателей. «Эти ночи» принадлежат только Геллию и его читателям. Более того, эти слова раскрывают истинную силу незамысловатого и «описательного» названия его сочинения: текст «Аттических ночей» неотделим как от ночей, когда он сочинялся, так и от «тех ночей», когда происходит воображаемое ученое общение между писателем и читателем. Короче говоря, сочинение под названием «Аттические ночи» идеально задает направление взаимодействия между временем написания текста и временем его чтения. Этот эффект подтверждается позже рутинными ссылками Геллия на предыдущую главу как на «прошлую ночь» (*proxima nocte*, например 9.4.5; 15.7.3; ср.: [Faider 1927: 201–202]); текст хранит в себе ночи своего собственного зарождения.

То, что Геллий рассматривает «ночи» своего текста как особое время для избранных, проясняется окончательно в финале предисловия, где он отклоняет попользования «темного и невежественного люда» (*neve adeat profestum et profanum vulgus*, NA praef. 20)²² прочитать эти записки и цитирует отрывок из «Лягушек» Аристофана, в котором хор предупреждает нечестивых и невежественных, чтобы они держались подальше от «ночных обрядов» (*λανυυχίδες*) посвященных²³. Аристофана же Геллий называет «остроумнейшим человеком» (*ille homo festivissimus*, praef. 20). Иначе говоря, после продолжительной критики «остроумных» названий других авторов, «Ночи» самого Геллия без лишних слов оказываются самыми остроумными из всех.

Описательное, на первый взгляд, название дает возможность Геллию непосредственно отослать к сцене ночного сочинительства, при помощи которой он преподносит сочинение своего текста как последовательность ночей. Разыгрывание этой сцены явным образом обуславливает оценку текста, подчеркивая закрытость и изысканность (*festivitas*) ночного сообщества автора и его аудитории. Основой взаимоотношений между ними становится услуга, кото-

21 Минарини справедливо привлекает внимание к двум программным аспектам этого слова — как характерного неологизма Геллия (или почти неологизма: *lucubratiunculae* встречается до этого только один раз у Фронтонa, *Ad M. Caesarem invicem* 1.4, § 1 [р. 9, Naber]) и как слова, связанного с ночным обликом произведения [Minařini 2006: 550–551].

22 Как отмечает Минарини, этот апотропеический жест перекликается с восклицанием Горация в начальных строках оды 3.1.1: «Чураюсь черни, чуждой священных тайн, / Благоговейте молча» (*odi profanum vulgus et arceo*. / *favete linguis*) [Minařini 2000: 542].

23 NA praef. 21 = *Ar. Ran.* 354–356, 369–371.

рую Геллий, по его собственным словам, оказывает: как и Сенека, он утверждает, что уместает материал в такую форму, которая сохранит время его читателям, дав им право собственности над самими собой (*vindicatio*). Наконец, как мы видели, предисловие Геллия учреждает пространственно-временное взаимодействие между автором и читателями в течение тех «ночей», когда текст воображается как длящееся событие; для приобщения читателей к этим ночам используется образ религиозной «инициации». Это навсегда помещает труд Геллия и все его текстуальное сообщество под знак его «ночей».

Перевод с англ. Натальи Мовниной

Библиография / References

- [Baldwin 1975] — *Baldwin B.* *Studies in Aulus Gellius.* Lawrence, Kansas: Coronado Press, 1975.
- [Cugusi 1983] — *Cugusi P.* *Evoluzione e forme dell'epistolografia latina nella tarda repubblica e nei primi due secoli dell'impero.* Rome: Herder, 1983.
- [Faider 1927] — *Faider P.* 1927. *Auli Gellii Noctium Atticarum Praefatio* // *Le Musée Belge.* 1927. Vol. 31. P. 189—216.
- [Gow, Page 1965] — *Gow A.S.F., Page D.L.* *The Greek Anthology: Hellenistic Epigrams.* In 2 vols. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1965.
- [Henderson 2002] — *Henderson J.* *Knowing Someone through Their Books: Pliny on Uncle Pliny (Epistles 3.5)* // *Classical Philology.* 2002. Vol. 97. № 3. P. 256—284.
- [Hoffer 1999] — *Hoffer S.E.* *The Anxieties of Pliny the Younger.* Atlanta, Georgia: Scholars Press, 1999.
- [Holford-Strevens 1988] — *Holford-Strevens L.* *Aulus Gellius.* London: Duckworth, 1988.
- [Janson 1964] — *Janson T.* *Latin Prose Prefaces: Studies in Literary Conventions.* Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1964.
- [Juvenal 1996] — *Juvenal.* *Satires. Bk. 1* / Ed. by S. Morton Braund. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- [Minarini 2000] — *Minarini A.* *La prefazione delle Noctes Atticae: Gellio fra Plinio e Seneca* // *Bollettino di studi latini.* 2000. Vol. 30. P. 536—553.
- [Russell 1974] — *Russell D.A.* *Letters to Lucilius // Seneca* / Ed. by C.D.N. Costa. London, 1974. P. 70—95.
- [Sherwin-White 1966] — *Sherwin-White A.N.* *The Letters of Pliny: A Historical and Social Commentary.* Oxford, 1966.